

**НЕСТИК
ТИМОФЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

доктор психологических наук, профессор РАН,
заведующий лабораторией социальной
и экономической психологии, Институт психологии РАН;
в. н. с. Школы антропологии будущего
Института общественных наук РАНХИГС при Президенте РФ

ОБРАЗ БУДУЩЕГО, СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ И ДОЛГОСРОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РОССИЯН: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Введение

В условиях глобальной турбулентности общество оказывается в парадоксальной ситуации. С одной стороны, будущее становится все более неопределенным, а дефицит ресурсов ограничивает пространство для маневра. С другой стороны, для ответа на технологические, пандемические и климатические вызовы сегодня как никогда необходима способность продвигаться к долгосрочным целям. Изменение мирового порядка и климатический переход требуют наличия у России долгосрочной национальной стратегии, рассчитанной на десятилетия, учитывающей конкурентные преимущества, возможности роста производительных сил и потребность в альянсах. Еще более значимы внутренние вызовы: короткий горизонт личного, корпоративного и государственного планирования сдерживает инновационное развитие нашей страны (Социокультурные факторы..., 2017; Аузан и др., 2020).

Можно выделить три основных фактора, снижающих долгосрочную ориентацию и социальный оптимизм в современном мире. Во-первых, рост социального неравенства и крах общественного договора: государства больше не могут гарантировать стабильный рост благосостояния большинству своих граждан, доверие к глобальным и внутристрановым социальным институтам снижается. Во-вторых, пессимизм в отношении будущего, связанный с экономическими

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №19-29-07463.

факторами, усугубляется растущим осознанием неотвратимости негативных последствий изменения климата, а также других природных и антропогенных рисков. В-третьих, техно-гуманитарный дисбаланс, проявляющийся в том, что развитие технологий опережает развитие социального капитала, обеспечивающего способность общества договариваться о правилах их использования (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

Согласно международным исследованиям, в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (The Governance for Happiness, 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (Edelman Trust Barometer, 2020). При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе Edelman Trust Barometer в 2021 г., Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 31% опрошенных россиян доверяют социальным институтам — государству, СМИ, бизнесу и НКО (Edelman Trust Barometer, 2021). Разрушается общественный договор, сформировавшийся после Второй мировой войны и предполагавший, что система общественных отношений и государство обеспечивают постепенное улучшение качества жизни граждан.

Коллапс доверия к социальным институтам на фоне растущих глобальных рисков, таких как изменение климата, вынужденная миграция и пандемия, обостряется разрушением мирового геополитического порядка и поддерживающей его системы международных институтов (Мир 2035: глобальный прогноз, 2017). В условиях кризиса американской мечты, достижение которой более невозможно для подавляющего большинства американцев (Lamont, 2019), а также роста неравенства в экономически развитых странах (Piketty, 2020), идет поиск новых ролевых моделей успеха и «нарративов надежды», основанных не на экономическом процветании, а на просоциальном поведении (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

Переход к экономике интернет-платформ подстегнул наблюдавшийся на протяжении 2000-х годов рост численности прекариата, то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости (Прекариат..., 2020). Осознание людьми своей незащитности перед будущим, воспроизводство и рост неравенства (Горшков, 2020; Черныш, 2021), а также новые его виды, связанные с цифровой трансформацией, диспропорциями в культурном и пространственном развитии, пандемиями, а также изменением климата (Нестик, Журавлев, 2020), в ближайшие годы будут усиливать поляризацию в представлениях о том, куда должна двигаться страна.

Нарастают противоречия между образами будущего элит и большинства россиян, особенно хорошо это заметно при анализе представлений молодежи о будущем

страны (Комаровский, 2020). По данным опроса, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в декабре 2020 года, большинство молодых россиян не связывают свои перспективы с политическими изменениями в стране, а образ будущего российского общества остается неопределенным для половины респондентов (Великая, Шушпанова, 2021). Тем не менее данные онлайн-опроса, проведенного ИП РАН совместно с факультетом психологии МГУ им. М. В. Ломоносова в мае 2020 года среди россиян в возрасте от 14 до 35 лет ($N=1950$; 42% — мужчины, 58% — женщины), показывают, что 33% респондентов оценивают будущее России через пять лет как мрачное, а 54% считают, что социальное неравенство, разница в доходах между богатыми и бедными в ближайшие три-четыре года вырастет (при этом среди тех, кто не обсуждает политику со сверстниками, таких 50%, а среди тех, кто обсуждает ее, — 57%). Наиболее пессимистично оценивают будущее страны респонденты в возрасте 24—28 лет: 62% из них ожидают роста социального неравенства, 55% — роста коррупции, 53% — роста безработицы. Влияние социально-демографических факторов на долгосрочную ориентацию носит противоречивый характер. Так, старение населения сокращает долгосрочную ориентацию, а спад рождаемости и новая волна смертности снижают социальный оптимизм (Рязанцев, Рыбаковский, 2021). С другой стороны, рост продолжительности жизни, увеличение пенсионного возраста и повышение социальной генеративности, то есть заботы пожилых людей о следующих поколениях, подстегивают интерес к будущему.

Мгновенный доступ к контенту и услугам, интернет-торговля, развитие иммерсивных развлекательных технологий снижают ориентацию на отложенное вознаграждение. Изменение социального пространства и организации времени под влиянием цифровых технологий создает диспропорции не только в доступе к средствам прогнозирования будущего, но и в наличии самого времени для перспективной рефлексии и стратегического диалога. Необходимость постоянно оставаться «на связи», дробление рабочих задач, почасовая оплата труда, совмещение нескольких мест работы, — все это усиливает так называемую временную бедность (Giurge et al., 2020), то есть структурно обусловленный дефицит времени, снижающий качество жизни, сокращающий горизонт планирования и временную перспективу в целом.

В России к описанным факторам можно добавить рассогласованность системы государственного стратегического управления (Ленчук и др., 2020) и отсутствие индикативного планирования (Аганбегян и др., 2021). Проведенный А. А. Аузаном в 2014 году опрос среди 124 членов Экспертного совета при Правительстве РФ указывает на то, что государственные решения принимаются у нас с горизонтом

планирования от одного до трех лет, тогда как желательный горизонт составляет более десяти лет (Аузан, 2015).

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что российское общество характеризуется краткосрочным планированием жизни и неопределенностью образа коллективного будущего. По данным опроса «Левада-Центра»* 38 % россиян сказали, что обычно не строят планов, а 34 % — знают, что с ними будет в ближайшие год-два, а на большее не загадывают². Пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020—2021 годах, еще больше усилила эти тенденции. Так, по данным ВЦИОМ, к апрелю 2020 года число россиян, не строящих долгосрочных планов, возросло по сравнению с 2019 года с 67 % до 84 % (табл. 1). В сентябре 2020 года 52 % опрошенных россиян признались, что думают о своем будущем с тревогой³. При этом в июне 2020 года 62 % россиян считали, что худшие времена впереди; доля респондентов, способных представить себе свое будущее не больше, чем на несколько месяцев, выросла на 10 п. п. (45 % в 2020 году по сравнению с 35 % в 2019 году (Федоров, 2020).

Таблица 1. Одни люди стараются планировать свою жизнь на несколько лет вперед. Другие строят планы только на короткий срок. А как поступаете Вы?

(закрытый вопрос, один ответ; % от общего числа респондентов)⁴

	XII.2008	IX.2010	XII.2011	XII.2012	XII.2013	VI.2014	XI.2014	VII.2019	III.2020	12.IV.2020	26.IV.2020	VII.2020	IX.2021
Планирую на несколько лет вперед	13	16	14	19	20	24	18	31	16	18	14	25	21
Строю планы на короткий срок (два-три месяца)	42	39	41	44	41	41	41	33	30	28	28	28	28
Пока не строю планов, ситуация в стране нестабильна	—	25	25	18	22	16	19	11	25	28	31	18	17
Никогда не строю планов, все делаю спонтанно, живу сегодняшним днем	43	17	17	19	16	17	18	23	29	25	25	28	31
Затрудняюсь ответить	2	4	2	1	1	2	3	1	1	2	2	1	3

² Планы на будущее // Левада-Центр. 23.03.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/25/plany-na-budushhee/>. Здесь и далее: «Левада-Центр»* — российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента.

³ ВЦИОМ. База результатов опросов россиян «Спутник». 2021. URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik/.

⁴ Опубликовано на сайте ВЦИОМ (фрагменты из архивов «Архивариус» и «Спутник»).

По данным исследования, проведенного Институтом национальных проектов и АО «РВК» в июле 2020 года, только 48 % жителей России по-прежнему считали, что новые ситуации могут давать новые возможности (по сравнению с 75 % осенью 2018 года), только у 14 % были планы на срок три года и более (по сравнению с 31 % осенью 2018 года), а у 40 % планы отсутствовали полностью, тогда как осенью 2018 года не имели планов только 14 % россиян (Социокультурные факторы..., 2020).

Как показал общероссийский репрезентативный поквартирный опрос (N = 6000), проведенный нами совместно с Фондом общественного мнения и ИГ ЦИРКОН в апреле 2021 года, 26 % россиян вообще не строят планов; 43 % планируют свою жизнь на период от нескольких месяцев до одного-двух лет; 23 % планируют свою жизнь на время от 3 до 10 лет; наконец, только 8 % наших сограждан строят планы более чем на 10 лет.

Чтобы разобраться в причинах неопределенности образа будущего, снижения социального оптимизма и сокращения временной перспективы, а также предложить меры по их поддержке в условиях глобальных рисков, нужно принимать во внимание социально-психологическую природу этих феноменов.

Коллективный образ будущего в условиях неопределенности⁵

В широком смысле коллективный образ будущего можно рассматривать как совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе (Нестик, 2014; Нестик, 2018а). В более узком смысле коллективный образ будущего — это представления о будущем социальной группы, разделяемые ее членами.

В содержании коллективного образа будущего можно выделить шесть основных феноменов:

- 1) коллективные цели и планы, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности;
- 2) групповые ожидания, то есть представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах;

⁵ При подготовке данного параграфа автор опирался на опубликованную ранее статью: Нестик Т. А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213—225.

- 3) коллективные надежды — представления членов группы о вероятном положительном для них исходе уже наблюдаемых или ожидаемых событий ближайшего и среднесрочного будущего;
- 4) групповые мечты, представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности;
- 5) коллективные страхи, разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации;
- 6) коллективные идеалы, представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации (Нестик, 2018а).

Важно учитывать, что в обществе сосуществуют различные, часто трудносовместимые образы будущего, причем все более острая конкуренция между технологическими компаниями за социальное воображение клиентов, а также политические кампании и гибридные информационные войны приводят к формированию рынков образов будущего (Löscher et al., 2019; Cook, Cuervo, 2019).

В современных социологических и культурно-антропологических исследованиях образ будущего рассматривается как часть коллективного воображения (Zittoun, Gillespie, 2018; de Saint Laurent, 2018), опирающаяся на коллективную память, в том числе связанная с коллективными травмами прошлого (Bresc de Luna, 2018; Тощенко, 2020).

Коллективный образ будущего можно рассматривать и как компонент группового отношения к времени, а в более узком смысле — групповой временной перспективы (Нестик 2014), то есть отношения группы к своему прошлому, настоящему и будущему. Это позволяет рассматривать образ будущего не только как часть образа мира, но и как установочный феномен, психологическое отношение. С этой точки зрения в структуру отношения группы к своему будущему входят ценностно-мотивационный, когнитивный, аффективный и конативный компоненты.

К ценностно-мотивационному компоненту можно отнести значимость коллективного будущего для членов группы, а также идеалы и принципы, реализация которых связывается с этим будущим. К аффективному компоненту можно отнести общую позитивную или негативную оценку будущего своей группы, отдельных социальных процессов и явлений, влияющих на будущее группы, а также усилий группы по реализации своих целей. К когнитивному компоненту, на наш взгляд, относятся: протяженность временной перспективы, то есть удаленность в будущее событий, связываемых со своей группой; представления о социальных процессах и явлениях, которые могут повлиять на будущее группы; представления о силе

и характере влияния будущего группы на ее членов; представления о предсказуемости и управляемости коллективного будущего.

К конативному, предповеденческому компоненту можно отнести: готовность членов группы к конкретным действиям для осуществления образа предпочтительного коллективного будущего, реализации коллективных целей и надежд; готовность обсуждать коллективное будущее друг с другом и с представителями других групп, а также групповые предпочтения в отношении тех или иных способов предсказания и конструирования коллективного будущего.

Содержание коллективного образа будущего отражается в публичном и межличностном дискурсе, может транслироваться через определенные жанры текстов. Например, А. Мише предлагает анализировать тексты о будущем с точки зрения их когнитивных аспектов, таких как протяженность во времени, ширина диапазона рассматриваемых альтернатив, отчетливость, степень предопределенности, а также с точки зрения аспектов, связанных с его реализацией, таких как связанность будущего с настоящим и прошлым, расширение или сужение открывающихся в будущем возможностей, зависимость будущего от усилий человека, а также степень социальности будущего, то есть большее или меньшее включение в образ будущего социальных сил, поведения и психологии людей (Mische, 2009). К этим характеристикам следует добавить относительную сформированность представления о будущем по сферам жизни группы или общества (например, влияние пандемии на экономику, демографическая ситуация, цены на товары и услуги, будущая пенсионная политика государства и т. д.), а также устойчивость образа будущего к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем.

Коллективный образ будущего выполняет несколько важных психологических функций (Нестик, 2018а). В условиях относительной стабильности и прогнозируемости условий общественной жизни он обеспечивает групповую идентификацию, регуляцию совместной деятельности, поддерживает преемственность в развитии группы, легитимацию сложившихся групповых норм и планируемых изменений, а также историзацию повседневности — через включение личного бытия человека в групповой нарратив, метафору пути, эсхатологический контекст. В условиях неопределенности особое значение приобретают функции целеполагания, поддержки социального доверия, защиты позитивной оценки группы, а также преадаптации к изменениям.

Во-первых, коллективный образ будущего выполняет целеполагающую функцию: образ желаемого будущего становится более важным для управления социальной системой, чем прогнозы и сценарии, так как позволяет влиять на будущее, сделать вероятным тот вариант развития событий, о котором договорились заин-

тересованные стороны. В условиях неопределенности прогнозирование уступает место запуску самосбывающихся пророчеств, когда публично сделанные предсказания ситуации становятся частью этой ситуации и влияют на дальнейшие события. Этот механизм, хорошо описанный в социологии (У. Томас, Р. Мертон и др.), многократно усилен сегодня социальными сетями: наблюдая за словами и действиями друг друга через Instagram и Facebook, мы все больше убеждаемся в вероятности совместно выработанного или публично обсуждавшегося сценария развития событий.

Во-вторых, он облегчает доверие сторон друг другу в постоянно меняющейся среде. Исследования в области эволюционной биологии и культурной антропологии показывают, что кооперация и альтруизм являются выигрышными стратегиями именно в долгосрочной перспективе (Боулз, 2011). Долгосрочная ориентация способствует формированию человеческого и социального капитала. При длинном плановом горизонте в обществе повышается роль репутации, происходит интериоризация норм честности (Полтерович, 2015).

В-третьих, в условиях неопределенности коллективный образ будущего защищает позитивную самооценку членов группы. Полученные нами ранее данные указывают на то, что при социально-экономической нестабильности оптимизм поддерживается представлениями о среднесрочном и долгосрочном будущем. Коллективный образ ближайшего будущего выполняет прежде всего функции регуляции совместной жизнедеятельности, прогнозирования и целеполагания. Он является ориентиром для оценки достижимости личных целей, планирования россиянами своей жизни, горизонт которого составляет в среднем от 1 до 3 лет. Ближайшее будущее в наибольшей степени зависит от текущей экономической и политической ситуации в стране. Напротив, образы среднесрочного (через 5 лет) и долгосрочного (через 20 лет) будущего выполняют прежде всего защитную функцию, поддерживая позитивную групповую идентичность. Они более устойчивы к изменениям в текущей ситуации, так как поддерживают веру в осмысленность и доброжелательность окружающего человека мира. При этом негативная оценка краткосрочного и среднесрочного будущего компенсируется позитивной оценкой долгосрочного (Силинг, Нестик, 2018; Нестик, 2018b).

Другое исследование показало, что непредсказуемость будущего прямо связана с его позитивной оценкой. Иными словами, чем более предсказуемым кажется долгосрочное будущее России, тем негативнее его оценивают респонденты (Нестик, 2018a). На наш взгляд, этот эффект, который мы обнаруживали и в других исследованиях (Человек в условиях глобальных рисков, 2020), является еще одной формой защиты позитивной самооценки личности: непредсказуемость в данном случае означает открытость будущего для изменений к лучшему.

Непредсказуемость отдаленного будущего, в отличие от неизвестности завтрашнего дня, защищает веру человека в свою способность влиять на собственную судьбу. Напротив, предсказуемость долгосрочного личного и коллективного будущего связана с фаталистическими установками и социальным пессимизмом.

Наконец, образ будущего в условиях неопределенности выполняет функцию преадаптации (Асмолов и др., 2017), так как в большей или меньшей степени поддерживает многовариантность сценариев развития событий, служит запасом исторических альтернатив.

Иными словами, избыточная сложность общества как открытой динамической системы, многоукладность экономики, соседство разных культурных практик, порождая конкурирующие образы будущего, являются гарантией наличия альтернатив развития. Растущая на протяжении истории человечества связанность людей друг с другом и радикально увеличившаяся доступность культурного опыта в цифровую эпоху не только способствуют созданию глобальной коллективной памяти и расширяют масштабы «фабрики» коллективных ожиданий, надежд и страхов, но и увеличивают «комбинаторику» сценариев развития сетевого общества. Воображаемое будущее начинает участвовать в рассеивающем отборе (В. П. Алексеев), влиять на эволюцию человечества.

На вариативность и сложность представлений о будущем влияют степень социальной дифференциации (наличие различных институтов, социальных ролей, независимых и конкурирующих элит, предлагающих обществу разные сценарии будущего), уровень институционального доверия, а также степень «жесткости» социальных норм, то есть допустимость «игры», вариативность жизненных сценариев в различных социальных группах и социальная мобильность (Дубин, 2011). К этим факторам следует добавить еще один — ценности общества, влияющие на оценку значимости тех или иных возможностей и рисков как социокультурной реальности, конструируемой в социальных представлениях (Вилдавски, Дейк, 1994). Как показали наши исследования, сдвиг к консервативным ценностям и авторитарным установкам в условиях трудноконтролируемой угрозы снижает готовность к диалогу по поводу совместного будущего (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

Положение социальной группы в системе социально-экономических отношений определяет характерный для нее тип дискурса о будущем. Так, Б. В. Дубин выделяет несколько «типов будущего» в российском массовом сознании (Дубин, 2011):

1) будущее как деградация, характерное для маргинализованных и стигматизированных групп;

2) будущее как продолжение настоящего (в тональностях «надо просто навести порядок» или «лишь бы не было хуже»), характерное для социального большинства;

3) будущее как сфера решения проблем прошлого — или настоящего, представленного как прошлое, — характерная для новых и восходящих социальных групп;

4) открытое будущее (ответственный выбор перед лицом неопределенности), соответствующее европейской культуре модерна и практически не представленное в российском обществе.

Данные наших исследований и теоретический анализ существующей научной литературы позволяют выделить четыре основных психологических механизма формирования коллективного образа будущего. К ним относятся: 1) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; 2) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (в том числе эмоциональное заражение, распространение тревожных слухов); 3) лидерское видение, целенаправленное воздействие лидера на образ будущего и прошлого группы; 4) групповая идентификация, основанная на общности судьбы, включении личного будущего в будущее коллективное (Нестик, 2014). Групповая рефлексия, эмоциональное заражение и групповая идентификация имеют важное значение для всех групп, в том числе макросоциальных, тогда как влияние лидерского видения связано, прежде всего, с жизнедеятельностью малых групп, организаций и сообществ, а в больших социальных группах представлено опосредованно — в основном через политические коммуникации.

Если групповая рефлексия повышает способность группы преобразовывать себя в меняющихся условиях (стратегическую гибкость, поисковую надситуативную активность), то лидерское видение будущего выполняет совсем другую функцию — повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Иными словами, сформированное лидерами видение мотивирует и сплачивает группу, одновременно усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Групповая рефлексивность, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Она позволяет вырваться из диктата прошлого, экстраполированного в будущее, интерпретировать неопределенность будущего как возможность, а не угрозу. Одним из способов поддержки такой рефлексии является методология форсайта — стратегический диалог о будущем, опирающийся на достоверную информацию (см. подробнее о когнитивных и социально-психологических аспектах форсайта: Нестик, 2018б).

Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности (Нестик, 2014). Рефлексия помогает создать запас альтернативных путей развития, тогда как лидерское видение будущего — стабилизирует, задает границы, в которых будут осуществляться изменения. По существу, взаимодействие этих социально-психологических механизмов позволяет социальной группе меняться, «не изменяя себе» (Нестик, 2018а).

В масштабах всего общества лидерское видение формируется политическими элитами. Отсутствие ясной программы будущего у российских политических, интеллектуальных и художественных элит позволяет говорить о том, что Россия — страна без отчетливого образа будущего (Дубин, 2011; Аузан, 2015; Волков, 2016; Шестопад, 2016). Отсутствие диалога и открытых дискуссий между представителями элит, в том числе между представителями различных политических партий и общественных движений, не позволяет и более широкому кругу россиян использовать их как модель для подражания. Подмена серьезного обсуждения сценариев будущего искусственно ожесточенной полемикой в рамках ток-шоу на телевидении формирует в обществе негативный образ элиты, представление о ее неспособности договариваться и отстаивать долгосрочные интересы страны. Поддерживаемый таким образом популизм, ключевым компонентом которого является противопоставление народа и власти, снижает доверие к долгосрочным инициативам государства.

Так, исследование ЦСП «Платформа», проведенное в феврале 2020 года, показало, что 78 % россиян, которые что-то знают или слышали о национальных проектах, указали, что в них больше пропаганды, чем дела, и что простые люди не почувствуют заметных улучшений⁶. Только 15 % ответили, что это реальные дела, движение к конкретным целям.

По-видимому, неверие граждан в то, что стратегические инициативы государства действительно изменят их жизнь, приводит к недооценке усилий руководства страны по формированию долгосрочной стратегии ее развития. Так, по данным исследования, проведенного ИП РАН и ВЦИОМ 25 сентября 2021 года («Спутник», N= 1600), только 40 % опрошенных согласны, что у высшего руководства нашей страны есть долгосрочная стратегия развития нашего общества. Наименее убеждены в этом представители молодежи 18—24 лет, то есть именно те россияне, которых непосредственно затронут результаты реализации национальных стратегий (табл. 2).

⁶ <https://plrf.ru/2020/03/05/vosprijatie-obraza-budushhego-i-nacionalnyh-proektov-naseleniem/>.

Таблица 2. Отчетливость образа будущего России

(сентябрь 2021; % респондентов, выбравших ответ «согласен» или «скорее согласен»)

	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Большинство моих родных, друзей, коллег, знакомых считают, что у России есть долгосрочная цель и ясное направление развития	29	27	31	19	28	24	27	39
Мне кажется, у высшего руководства нашей страны есть долгосрочная стратегия развития нашего общества	40	38	42	33	40	41	39	44
У нашей страны предсказуемое будущее	36	38	35	36	34	28	36	43
В общем-то я могу отчетливо представить себе, какой будет Россия через 5 лет	28	29	27	35	24	22	28	32

При этом во время пандемии в условиях переживания трудноконтролируемой угрозы и невозможности спланировать свою жизнь растет востребованность наличия стратегии и долгосрочных планов у власти (табл. 3). Особенно заметно по сравнению с 2019 годом выросла в 2020 году значимость наличия стратегии развития региона проживания — с 58 % до 65 %. Эти изменения хорошо согласуются с данными других исследований, указывающих на рост патерналистских ожиданий в период пандемии, а также запрос на компетентных политиков, учитывающих последствия своих решений (Daniele et al., 2020; Нестик, 2020b; Социокультурные факторы..., 2020).

Таблица 3. Как Вы считаете, насколько нужно таким людям, как Вы, чтобы ощущать оптимизм, уверенность в завтрашнем дне: ...

(закрытый вопрос, один ответ; % от общего числа респондентов)⁷

	2019	2020
Наличие плана, стратегии развития страны в целом		
Безусловно нужно / Скорее нужно	64	69
Совсем не нужно / Скорее не нужно	31	26
Затрудняюсь ответить	2	1
Наличие плана, стратегии развития региона проживания		
Безусловно нужно / Скорее нужно	58	65
Совсем не нужно / Скорее не нужно	37	31
Затрудняюсь ответить	2	1

⁷ Опубликовано на сайте ВЦИОМ (база данных «Спутник», свободный поиск).

Когда речь идет о желаемом образе коллективного будущего, наше воображение опирается на идеалы и ценности. Так, в ответ на вопрос о том, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке, опрошенные в сентябре 2020 года россияне называли высокий уровень жизни (12%), благополучие людей (11%), мир (10%), развитие экономики (9%), международное сотрудничество (7%) и авторитет России в мире (6%). Нетрудно увидеть, что в будущее проецируется улучшенная копия настоящего (см. табл. 4).

Таблица 4. Поговорим о месте России в мире. Как Вы считаете, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке?

(открытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы от 2% респондентов, сентябрь 2020)⁸

	Все опрошенные
Благосостояние / высокий уровень жизни	12
Социальная политика / благополучие людей / улучшение жизни населения	11
Мир / не развязывать конфликты / меньше тратить на вооружение	10
Развитие экономики / быть богатой страной / поддержка бизнеса	9
Сотрудничество со странами / дружба	7
Авторитет в мире / чтобы больше считались с Россией / влияние / отстаивание интересов	6
Лидерство / мировая держава	6
Стабильность / спокойствие	5
Бесплатная медицина / хорошая медицина	5
Бесплатное образование / хорошее образование	4
Независимость / самодостаточность / самостоятельность / суверенитет	4
Развитие / процветание / стремиться к лучшему	4
Развивать производство и сельское хозяйство	3
Внутренняя политика / больше внимания внутренней политике	3
Рабочие места / борьба с безработицей	3
Внешняя политика	3
Безопасность / защита границ	2
Развитие технологий	2
Обороноспособность / развитие вооружения	2
Быть сильной страной	2
Свободы и права / демократизация общества	2
Другое	21
Затрудняюсь ответить	31

⁸ Опубликовано на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/czeli-rossii-v-xxi-veke>.

Но когда речь заходит о прогнозировании коллективного будущего, воображение оказывается скованным, ему не хватает образцов. Согласно регулярным общероссийским опросам «Левада-Центра»*, будущее представляется россиянам как «смутное», «призрачное», «туманное», «неопределенное (Волков, 2016). По данным исследования «Левада-Центра»*, проведенного в 2018 году, 66% россиян могли ясно представить себе будущее России не далее чем на один-два года⁹. По данным ЦСП «Платформа», в феврале 2020 года только 40% опрошенных отметили, что у них есть уверенное понимание будущего нашей страны, 41% признались, что у них нет понимания того, как будет развиваться ситуация¹⁰. Исследование, проведенное ИП РАН и ВЦИОМ 25 сентября 2021 г. («Спутник», N=1600), показало, что только 28% могут отчетливо представить себе будущее России через пять лет.

Одна из причин такой неопределенности может состоять в том, что будущее страны мало связано с личным будущим. Большинство россиян продуктивного возраста стремятся достичь чисто утилитарных целей: «купить дом», «приобрести машину», «сделать ремонт», «добиться повышения зарплаты» и т. п. (Карачаровский, Шкаратан, 2019). Значительная часть россиян с безразличием относятся к экономической политике государства и не ждут изменений ситуации в большинстве сфер общественной жизни, так как отчуждены от власти, считают, что от них ничего не зависит (Великая и др., 2021).

Другой причиной несформированности представлений о будущем может быть низкая политическая самоэффективность, то есть неверие в свою способность влиять на происходящее в стране. По данным опроса, проведенного ИП РАН совместно с ФОМ и ИГ ЦИРКОН в апреле 2021 года (N=6000), только 11% россиян считают, что у них есть возможность влиять на принятие законов и решения властей.

Проведенные нами ранее эмпирические исследования показали, что отношение личности к будущему и прошлому России зависит от ее оценки возможности влиять на настоящее. Осмысление коллективной истории и ожидания в отношении будущего зависят от веры личности в возможность что-либо изменить в окружающем ее мире. При наличии такого убеждения возрастает ценность уроков прошлого для будущего, а вместе с ней — протяженность коллективной временной перспективы, интерес к долгосрочному прошлому и будущему страны (Нестик, 2018с).

⁹ Горизонт планирования будущего // Левада-Центр. 08.11.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/08/gorizont-planirovaniya-budushhego/> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

¹⁰ Восприятие образа будущего и национальных проектов населением РФ // Платформа. 05.03.2020. URL: <https://pltf.ru/2020/03/05/vospriyatie-obraza-budushhego-i-nacionalnyh-proektov-naseleniem/>.

Возможно, именно неверие в возможность изменить ситуацию и дистанцирование от участия в общественной жизни являются основными причинами той безальтернативности будущего и неготовности к диалогу о нем, на которую указывают результаты фокус-групп (Волков, Колесников, 2020).

Социальный оптимизм как психологический феномен

Социальный оптимизм в социологических и экономических исследованиях определяется чаще всего как позитивные ожидания, в том числе оценка благополучия своей семьи в будущем (Катона, 1972). Именно на таком понимании социального оптимизма основан индекс социальных ожиданий ВЦИОМ и ряда других исследовательских компаний.

В психологической литературе социальный оптимизм понимается прежде всего как генерализованное ожидание благополучного преодоления тех или иных конкретных социальных проблем в будущем: преступности, коррупции, социального неравенства, экономических кризисов и подверженности катастрофам (Schweizer, Schneider, 1997; Донцов, Зеленев, 2010). Он может измеряться и как оценка контролируемости негативных событий, а также вероятности социальных кризисов и техногенных катастроф (Matonyt et al., 2017). Известно, что социальный оптимизм, как правило, ниже, чем диспозиционный оптимизм личности, что принято связывать с низкой оценкой контролируемости коллективного будущего (Schweizer, Rauch, 2008). Социальный оптимизм как ожидание благоприятного развития событий тесно связан с доверием к социальным институтам (Темницкий, 2016).

Понимание социального оптимизма как генерализованного ожидания позитивных изменений дает возможность для необоснованного, на наш взгляд, расширения этого понятия. Некоторые авторы рассматривают социальный оптимизм как многомерное явление, предлагая измерять его множеством показателей, отражающих в том числе удовлетворенность настоящим (Горбачева и др., 2018).

Следует отметить, что на протяжении 2000-х и 2010-х годов оптимизм как надежда на изменения обстоятельств к лучшему повышался. Так, если в 2006 году новый год с чувством оптимизма встречали, по данным ВЦИОМ, только 33 % россиян, то в 2017 году — уже 48 %¹¹. Если в 2012 году в канун Нового года испытывали ожидание перемен к лучшему 35 %, то в 2019 году — уже 55 %. Индекс счастья в России вырос с 6 пунктов в 1992 году до 75 пунктов в 2019 году¹² (табл. 5).

¹¹ Итоги 2020-го: события, люди, оценки, ожидания от 2021-го // ВЦИОМ. 22.12.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2020-go-sobytiya-ljudi-ocenki-ozhidaniya-ot-2021-go>.

¹² Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-schastja>.

Таблица 5. Какие чувства Вы испытываете в канун Нового года?

(закрытый вопрос, не более 3-х ответов, %, ноябрь-декабрь 2020)¹³

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Радость, ожидание перемен к лучшему	35	35	42	43	50	49	49	55	51
Спокойствие и уверенность	23	27	23	24	25	32	27	24	23
Усталость, опустошенность	16	18	13	17	12	8	19	20	15
Волнение	15	12	21	14	7	10	15	11	13
Грусть	9	9	11	9	14	4	10	10	7
Разочарование	8	6	6	7	5	3	10	8	8
Другое	1	1	2	3	2	1	2	5	13
Не испытываю никаких особых чувств	17	16	13	9	9	18	7	3	4
Затрудняюсь ответить	1	1	3	1	1	2	2	3	2

Красноречивым показателем такого рода оптимистических ожиданий являются представления людей об уровне благополучия своих детей в будущем. По данным опросов Pew Research, весной 2018 года 51 % россиян были уверены в том, что когда дети в нашей стране вырастут, они будут более финансово благополучными, чем их родители¹⁴. Для сравнения, в 2013 году число столь оптимистично настроенных соотечественников было всего 40 %. К 2018 году по данному показателю социальный оптимизм россиян уступал только Польше, превосходя все экономически развитые страны — Южную Корею (41 %), Израиль (40 %), Аргентину (37 %), Германию (37 %), Венгрию (35 %), Швецию (35 %), Голландию (35 %), США (33 %), Австралию (29 %), Канаду (25 %), Испанию (24 %), Великобританию (23 %), Италию (19 %), Грецию (18 %), Японию (15 %) и Францию (15 %). Из развивающихся стран мы уступали только Индонезии (75 %), Филиппинам (69 %), Индии (66 %) и Нигерии (65 %).

В 2019—2020 годах уровень оптимистических ожиданий снизился. По-видимому, одной из причин могла стать пенсионная реформа, а затем свой вклад внесла пандемия COVID-19. Индекс социальных ожиданий, по данным ВЦИОМ, упал с 69 в 2017 году до 35 в июле 2020 года (табл. 6). По данным ЦСП «Платформа», в феврале 2020 года 34 % опрошенных считали, что в перспективе 5—10 лет ситуация в стране в целом будет меняться к худшему, 29 % — что она улучшится, 28 % — что она не изменится¹⁵.

¹³ Опубликовано на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2020-gosobytiya-ljudi-ocenki-ozhidaniya-ot-2021-go>.

¹⁴ Expectations for the Future // Pew Research Center. 18.09.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2018/09/18/expectations-for-the-future/>.

¹⁵ Восприятие образа будущего и национальных проектов населением РФ // Платформа. 05.03.2020. URL: <https://pltf.ru/2020/03/05/vospriyatie-obraza-budushhego-i-nacionalnyh-proektov-naseleniem/>.

Таблица 6. Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)¹⁶

	Значительно лучше, несколько лучше	Так же, как и сейчас	Значительно хуже, несколько хуже	Затрудняюсь ответить	Индекс*
VII.2016	27	43	15	15	55
VII.2017	30	48	9	13	69
VII.2018	25	39	26	10	38
VII.2019	25	41	23	11	43
VII.2020	23	37	25	15	35
17.I.2021	24	43	24	9	43
14.III.2021	20	46	26	9	40
16.V.2021	22	44	26	8	40

*Индекс социальных ожиданий — показывает, насколько россияне оптимистичны по отношению к своему будущему, и рассчитывается как разница суммы положительных и средних оценок и отрицательных оценок. Значение индекса может колебаться в диапазоне от –100 до 100 пунктов. Положительное значение индекса свидетельствует о том, что неплохие оценки доминируют над плохими, нулевое значение фиксирует баланс неплохих и плохих оценок.

В отличие от описанных выше подходов, понимание социального оптимизма в социальной психологии связано с концепцией коллективной самоэффективности — убеждения членов группы в способности совместными усилиями организовать и реализовать действия, необходимые для достижения тех или иных целей (Bandura, 2000). Коллективная самоэффективность рассматривается также как вера личности в способность своей группы решить стоящие перед ней проблемы (Sampson et al., 1997; Pietrantonì, 2014; Muncy, Iyer, 2020). При таком подходе оценка будущего зависит не столько от уверенности в правильно работающей социальной системе, сколько от доверия личности к другим членам своей группы.

Согласно данным ФОМ, в августе 2019 года только 21 % респондентов верили, что через 20 лет уровень социальной защищенности населения в России будет выше, чем сейчас¹⁷. При этом еще меньше, всего 12 %, верили, что через 20 лет в нашем обществе вырастет уровень доверия; 36 % считали, что в этом отношении ничего не изменится, а 35 % — что уровень доверия будет еще меньше (табл. 7).

¹⁶ Опубликовано на сайте ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10437>.

¹⁷ Россия через 20 лет и личные планы на будущее // ФОМ. 20.08.2019. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241>.

Таблица 7. Как вы думаете, через 20 лет доверия между людьми в нашей стране будет больше или меньше, чем сейчас? Или в этом отношении ничего не изменится?

(август 2019; % от всех опрошенных)¹⁸

		Больше	Меньше	В этом отношении ничего не изменится	Затрудняюсь ответить
Всего		12	35	36	17
Мужчины		13	35	34	18
Женщины		12	36	37	15
18–30		12	34	41	13
31–45		12	43	33	12
46–60		14	36	29	21
60+		11	27	40	22
Материальное положение семьи	Денег не хватает на питание	10	43	25	22
	На питание хватает, на одежду — нет	10	38	34	18
	На одежду хватает, на крупную бытовую технику — нет	12	35	36	18
	На бытовую технику хватает, на автомобиль — нет	12	35	39	13
	На автомобиль хватает	19	30	42	9
Москва		20	34	32	14
Города 1 млн и более		16	28	37	19
Города от 250 тыс. До 1 млн		14	32	38	16
Города от 50 до 250 тыс.		6	41	35	18
Города менее 50 тыс., пгт		10	37	38	15
Сёла		12	38	33	17

¹⁸ Опубликовано на сайте ФОМ. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241>.

Результаты телефонного опроса, проведенного Институтом психологии РАН совместно со ВЦИОМ 25 сентября 2021 г. («Спутник», N = 1 600), показывают, что среди опрошенных 51 % чувствуют уверенность в завтрашнем дне, но только 40 % согласились с утверждением, что наши дети будут жить лучше нас. Наибольший интерес представляют ответы на вопросы, измеряющие коллективную самооценку. Только 54 % считают, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему, еще меньше — 38 % — уверены, что российское общество сможет решить большинство проблем, которые сегодня волнуют жителей нашей страны. В наибольшей степени убеждены в способности российского общества к солидаризации представители молодежи 18—24 лет и респонденты из группы 60+, тогда как наиболее низкие показатели по этому параметру у россиян 35—44 лет (табл. 8).

Таблица 8. Социальный оптимизм россиян

(сентябрь 2021; % респондентов, выбравших ответ «согласен» или «скорее согласен»)

	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Я уверен, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему	54	56	54	60	52	51	53	58
Наши дети будут жить лучше нас	40	42	38	43	40	37	39	42
Российское общество сможет решить большинство проблем, которые сегодня волнуют жителей нашей страны	38	39	37	38	34	32	39	42
В ближайшие 3—4 года уровень коррупции в нашей стране снизится	15	18	13	14	15	11	18	17
В ближайшие 3—4 года уровень социального неравенства в нашей стране снизится	17	15	19	24	11	11	20	21

Следует отметить, что в условиях низкого социального и институционального доверия в российском обществе уверенность россиян в завтрашнем дне определяется в наибольшей степени верой в собственные силы, а не надеждой на помощь со стороны. В частности, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного

в 2009 году, уверенность в завтрашнем дне 59% россиян связывали с верой в собственные силы и возможности, и только 7% — со стабильностью и порядком в стране в целом (табл. 9). Напротив, в ответ на вопрос об основаниях неуверенности в завтрашнем дне респонденты называли инфляцию (58%) и отсутствие стабильности в стране (37%).

Таблица 9. Если Вы чувствуете УВЕРЕННОСТЬ в завтрашнем дне, то на чем это чувство основывается?

(% тех, кто чувствует уверенность, февраль 2009)¹⁹

	Всего	Оценка материального положения семьи		
		Очень хорошее, хорошее	Среднее	Плохое, очень плохое
Вера в собственные силы и возможности	59	68	57	54
Оптимистичное отношение к жизни, надежда на лучшее	39	37	40	39
Поддержка со стороны членов семьи, близких людей	35	30	38	33
Молодость	26	29	27	18
Наличие стабильной работы	19	24	19	12
Хорошее здоровье	17	22	16	15
Востребованность, возможность реализовать себя	16	27	13	10
Удовлетворительные жилищные условия	15	21	15	7
Вера в Бога	13	8	13	19
Хорошая зарплата, пенсия	12	25	9	10
Наличие подсобного хозяйства	11	6	13	13
Доверие власти, президенту	11	9	12	10
Хорошее образование	10	16	9	1
Стабильность, порядок в стране в целом	7	10	6	6
Хорошее материальное положение семьи	7	22	4	0
Свобода, демократия в стране	3	2	3	1
Другое	1	0	1	1
Затрудняюсь ответить	1	0	1	1

¹⁹ Опубликовано на сайте ВЦИОМ (фрагмент из архива «Архивариус»). URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=590&q_id=42645&date=08.02.2009.

Но в условиях кризиса образ коллективного будущего может компенсировать дефицит уверенности людей в своих силах. Одним из примеров подобного эффекта могут быть реакции респондентов на вопрос о том, сможет ли Россия в ближайшие 20 лет стать великой державой. По данным ВЦИОМ, наибольшее число положительных ответов на этот вопрос наблюдалось в кризисные годы — 2008 и 2014, а в 2020 и 2021 годах наибольшее число россиян согласилось с тем, что Россия и сейчас остается великой державой. Между тем среди россиян, опрошенных ФОМ в октябре 2020 года, 54 % признали, что большинство людей, с которыми они общаются, не уверены в будущем, а 49 % — что сами не чувствуют уверенности в завтрашнем дне²⁰. По данным ВЦИОМ, в сентябре 2020 года 52 % опрошенных думали о своем будущем с беспокойством и тревогой. Очевидно, что суждения о настоящем и будущем России связаны с геополитическими событиями, повышением обороноспособности нашей страны и ее внешней политикой в данные годы. Тем не менее можно предположить, что в данном случае реализовалась рассмотренная нами выше защитная функция образа будущего, поддерживающего нашу позитивную групповую идентичность и веру в справедливость мира.

Ранее мы показали, что положительная оценка будущего России связана с про-социальными установками и убеждениями: верой в справедливость и благо-склонность мира, верой в доброту людей, доброжелательностью, терпимостью и социальной сложностью, то есть убеждением в том, что существует множество способов достижения цели и поведение людей зависит от обстоятельств. Напротив, отрицательная оценка коллективного будущего связана с недоверием к миру и социальным цинизмом, то есть с убежденностью в порочной природе человека, недоверием социальным институтам и обесцениванием этических норм. Недоверие миру и социальный цинизм не позволяют ставить долгосрочные совместные цели, формируют фаталистическое отношение к будущему (Нестик, 2016).

Социально-психологические исследования, проведенные нами в период пандемии, показывают, что социальный оптимизм сильнее всего определяется не оценкой людьми тяжести текущего экономического положения, а доверием к социальным институтам и верой в возможность получить поддержку от других людей (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

Как показало исследование, проведенное нами совместно с ФОМ и ИГ ЦИРКОН в апреле 2021 года ($N=6000$), уровень социального оптимизма россиян низкий: лишь 51 % опрошенных верят, что их дети будут жить лучше, чем они; только 44 % уверены в том, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему,

²⁰ Планы на будущее // ФОМ. 30.10.2020. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.

лишь 17% верят, что в ближайшие 3—4 года сократится уровень социального неравенства, 15% верят, что в этот период снизится уровень коррупции (рис. 1).

Рисунок 1. Уровень социального оптимизма россиян

(апрель 2021 г.; N = 6000; % респондентов, выбравших варианты «согласен» и «скорее согласен»)

Результаты исследования позволили выделить следующие предпосылки социального оптимизма:

- 1) позитивные чувства по поводу принадлежности к россиянам;
- 2) вера в справедливость мира, убеждение в том, что в конечном счете совместные усилия будут вознаграждены успехом;
- 3) наличие жизненных целей и планов, вера в собственную способность влиять на положение в стране.

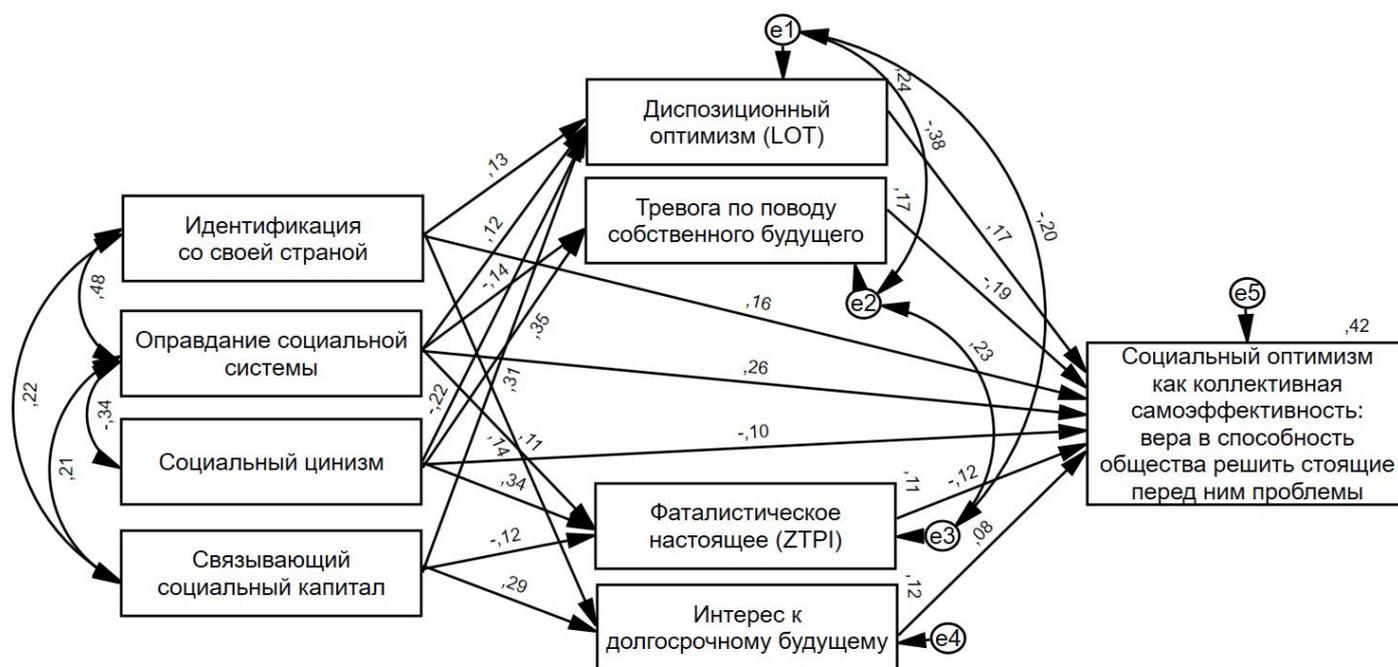
При этом разрушительными для социального оптимизма являются вера в опасный мир и популизм.

В другом исследовании, проведенном нами весной 2021 года (N = 751; 49% — мужчины, 51% — женщины; Mвозр = 40,4; SD=11,5), была выявлена связь социального оптимизма с гражданской идентичностью, оправданием социальной системы и связывающим социальным капиталом, то есть ориентацией на построение широкой сети контактов. Иными словами, оптимистическая оценка способности своей группы справиться с трудностями включена в механизмы поддержания позитивной идентичности — гордости в связи с принадлежностью к обществу, убеждения в том, что устройство общества отвечает интересам граждан и каждому дает возможность для самореализации.

Социальный оптимизм поддерживается связывающим социальным капиталом, то есть завязыванием контактов с представителями других социальных групп, которое расширяет радиус доверия и тем самым — круг людей, на поддержку которых мы можем рассчитывать. Выявленная нами прямая связь между социальным оптимизмом, интересом к долгосрочному будущему и связывающим социальным капиталом хорошо согласуется с результатами других исследо-

ваний, показывающих, что объем и разнородность персональной социальной сети контактов усиливает индивидуальную ориентацию на будущее и готовность задумываться о коллективном будущем (Нестик, 2014; Burt, 2017).

Рисунок 2. Предикторы социального оптимизма
(графическое представление результатов структурного моделирования)

$\chi^2=23,679$; $df=11$; $CMIN/DF=2,153$; $p=.014$; $RMR=.208$; $GFI=.993$;
 $CFI=.992$; $RMSEA=.039$; 90% CI [Lo 90=.017; Hi 90=.061]; $P_{close}=.772$.

Как оказалось, тревога по поводу будущего усиливает прямую связь между социальным оптимизмом и оправданием социальной системы. Это подтвердилось и в другом исследовании, проведенном в конце июля 2021 г. ($N = 1000$; 45% — мужчины, 55% — женщины; $M_{возр} = 38,7$; $SD=12,6$). Наибольший вклад в уровень социального оптимизма вносят вера в справедливый мир, авторитаризм правого толка, коллективная политическая самооэффективность, оправдание социальной системы, идентификация с Россией, доверие к государству и институтам гражданского общества.

Связь социального оптимизма с верой в справедливый мир, оправданием социальной системы и авторитаризмом указывает на то, что он выполняет функции перцептивной защиты, поддерживая осмысленную картину мира и убеждение в том, что следование определенным социальным нормам будет вознаграждено в будущем.

o Долгосрочная ориентация и ее социально-психологические предпосылки

С социальным оптимизмом тесно связана долгосрочная ориентация, которую можно рассматривать как значимость для личности и группы долгосрочного целеполагания, прогнозирования и планирования, достижения и сохранения устойчивых к изменениям результатов своей и чужой деятельности, а также учета долгосрочных последствий этой деятельности для себя, других людей и окружающей среды. В экономической психологии и нейронауках долгосрочная и краткосрочная ориентации изучаются в рамках исследований межвременного выбора и феномена дисконтирования будущего (Frederick et al., 2002), как способность людей к воображению себя и других в отдаленном будущем, развившаяся в ходе эволюции благодаря языку (Corballis, 2019); в психологии личности — как ориентация личности на учет будущих последствий своих действий (Joireman, King, 2016); в кросс-культурной психологии — как ориентация на получение выгод в будущем и планирование, предполагающее настойчивость и упорство в настоящем, а также уважительное отношение к традициям прошлого (Hofstede, Minkov, 2010). Долгосрочная ориентация — многомерный феномен, включающий ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты (Нестик, 2020а; Нестик, 2021).

К ее ценностно-мотивационным компонентам могут быть отнесены ориентация на отложенное вознаграждение и низкая выраженность дисконтирования будущего, ценность преемственности, устойчивых к времени достижений и следа в истории, ценность непрерывного саморазвития, ценность прогнозирования будущего, ценность долгосрочного целеполагания и планирования, ценность долгосрочных отношений, ответственность перед будущими поколениями.

К когнитивным компонентам относятся протяженность временной перспективы, горизонт планирования, убеждение в возможности влиять на отдаленное будущее и прогнозировать его, убеждение в том, что затраченные усилия будут вознаграждены в будущем.

Среди аффективных компонентов можно выделить удовольствие от фантазирования в отношении долгосрочного будущего, интерес к долгосрочным прогнозам и оптимизм в отношении долгосрочного будущего.

Наконец, к поведенческим компонентам можно отнести постановку долгосрочных целей, ориентацию на учет долгосрочных последствий, поиск информации о долгосрочном будущем, готовность обсуждать его с друзьями и коллегами и ориентацию на приобретение товаров длительного пользования.

Эта многокомпонентная структура долгосрочной ориентации как сложного социально-психологического феномена была подтверждена в ходе проведенного нами опроса российской молодежи в восьми федеральных округах ($N = 1970$). В результате исследования выявлены социально-психологические типы краткосрочной ориентации («пессимисты» — 8,9% и «тактики» — 24,2%) и типы долгосрочной ориентации («стратеги» — 19,8%, «ориентированные на личные достижения оптимисты» — 15,2%; «просоциальные визионеры» — 12,7%; «ответственные традиционалисты» — 19,2%). Было показано, что существует как коллективистическая ориентация на долгосрочное будущее, опирающаяся на доверие социальным институтам и сопереживание («просоциальные визионеры», «ответственные традиционалисты»), так и индивидуалистическая долгосрочная ориентация («стратеги» и «ориентированные на личные достижения оптимисты»), при которой долгосрочное прогнозирование и планирование связаны с ориентацией на личные достижения и самостоятельность (Нестик, 2021).

Нами впервые были выявлены такие социально-психологические факторы долгосрочной ориентации, как дескриптивные нормы (представление о том, в какой степени долгосрочное целеполагание и планирование одобряются окружающими) и тревожные переживания, связанные с изменениями в обществе (страхи по поводу последствий пандемии). Было обнаружено разнонаправленное влияние тревоги по поводу будущего на различные компоненты долгосрочной ориентации, в том числе ее негативная связь с оптимизмом в отношении долгосрочного будущего и прямая связь с интересом к долгосрочным прогнозам и целеполаганием. Кроме того, в серии проведенных нами исследований было показано, что предикторами долгосрочной ориентации является децентрация, то есть восприятие, понимание, учет, принятие в расчет точки зрения, опыта другого человека, а также сопереживание другим людям в период пандемии (Нестик, 2021).

Исследование целеполагания россиян, проведенное в 2017 году О.И. Шкаратаном и В.В. Карачаровским, показало, что только 52% наших соотечественников имеют сформулированные жизненные цели, а средний горизонт их достижения составляет около пяти лет. В будущее со средним горизонтом в девять лет россиян «вытягивает» забота о детях, а также крупные кредиты со средним горизонтом около восьми лет (Карачаровский, Шкаратан, 2019). Согласно результатам опроса ФОМ, в октябре 2020 года лишь 25% россиян относили себя к ориентированным на будущее — тем, кто размышляет о нем и строит планы.

Но было бы ошибочным считать, что планирование будущего не является важной ценностью для наших соотечественников. Опросы ВЦИОМ показывают, что умение планировать, ставить цели, задачи считают нужным для себя 91 % (2019) и 95 % (2020) респондентов (база данных «Спутник», свободный поиск). Данные ФОМ указывают на хроническое противоречие между высокой ценностью планирования для 56 % россиян (табл. 10) и воспринимаемой невозможностью строить долгосрочные планы (табл. 11), которое особенно остро проявляется в молодежной группе.

Как показало совместное исследование «Левада-Центра»* и Фонда Бориса Немцова, проведенное в сентябре 2018 года среди молодежи России, Украины и Белоруссии, более 80 % молодых россиян отметили, что им мешает планировать свое будущее плохая экономическая ситуация. Среди других причин, названных более чем половиной опрошенных, указывались угроза нарушения прав в любой момент, отсутствие поддержки со стороны государства, непрерывные изменения в стране, отсутствие достоверной информации о происходящем, а также трудности с поиском работы²¹.

Таблица 10. Одни считают, что строить долгосрочные планы оправданно, полезно. Другие считают это бессмысленным, бесполезным. А вы скорее относитесь к первым или ко вторым?

(закрытый вопрос, октябрь 2020; % от общего числа респондентов)²²

	Население в целом	Муж.	Жен.	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
К первым (строить долгосрочные планы оправданно, полезно)	56	60	52	75	64	46	45
Ко вторым (строить долгосрочные планы бессмысленно, бесполезно)	39	36	41	23	33	48	45
Затрудняюсь ответить	6	5	7	2	4	6	10

²¹ Представления о будущем у молодёжи крупных городов в России, Украине и Беларуси // Фонд Бориса Немцова. URL: <http://zukunfts bild.nemtsovfund.org/survey-ru/>.

²² Опубликовано на сайте ФОМ. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.

Таблица 11. Одни считают, что в нашей стране сейчас благоприятная ситуация для того, чтобы строить планы на будущее, планировать свою жизнь на несколько лет вперед. Другие считают, что сейчас в нашей стране ситуация не слишком благоприятная для планирования будущего. С каким мнением — с первым или со вторым — вы согласны?

(закрытый вопрос, октябрь 2020; % от общего числа респондентов)²³

	2019	Население в целом (2020)	Муж.	Жен.	18—30 лет	31—45 лет	46—60 лет	Старше 60 лет
С первым (благоприятная ситуация для планирования будущего)	28	24	25	23	18	25	23	28
Со вторым (не слишком благоприятная ситуация для планирования будущего)	62	68	68	69	79	68	73	58
Затрудняюсь ответить	11	8	7	8	4	7	5	14

По результатам исследования, которое Институт психологии РАН провел совместно с ВЦИОМ 25 сентября 2021 года («Спутник», N = 1600), только 21 % опрошенных указали, что планируют свою жизнь на несколько лет вперед, 31 % вообще не строят планов и живут сегодняшним днем, 28 % планируют свою жизнь на несколько месяцев, 17 % отметили, что не строят планов, так как ситуация в стране нестабильна (3 % затруднились ответить). При этом наиболее долгосрочно ориентированными оказались представители возрастной группы от 25 до 34 лет: здесь на несколько лет вперед планируют 32 % опрошенных (табл. 12).

Более полную и дифференцированную картину планирования россиянами своей жизни позволил получить общероссийский репрезентативный поквартирный опрос (N = 6000), проведенный нами совместно с Фондом общественного мнения и ИГ ЦИРКОН в апреле 2021 года (рис. 3 и 4). Результаты исследования позволили выделить четыре группы россиян в зависимости от протяженности горизонта планирования ими своей жизни.

²³ Опубликовано на сайте ФОМ. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.

Таблица 12. Одни люди стараются планировать свою жизнь на несколько лет вперед. Другие строят планы только на короткий срок. А как поступаете Вы?

(закрытый вопрос, один ответ; 25 сентября 2021 г.; % от общего числа респондентов)

	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Планирую на несколько лет вперед	21	24	18	20	32	22	18	15
Планирую на несколько месяцев вперед	28	28	29	42	32	29	30	21
Пока не строю планов, ситуация в стране нестабильна	17	15	18	17	15	22	19	13
Никогда не строю планов, живу сегодняшним днем	31	30	33	20	20	24	32	46
Затрудняюсь ответить	3	3	3	0	2	3	2	5

Рисунок 3. Горизонт планирования россиян

(апрель 2021, N=6000)

Рисунок 4. Доля россиян, которые не строят планов на будущее, среди жителей федеральных округов Российской Федерации

(апрель 2021, N=6000)

В первую группу входят те, кто вообще не строит планов (25,9%). Большинство из них — женщины (60%), 52% — в возрасте 55 и более лет. Среди них работают только 38%, а 41% — неработающие пенсионеры; 25% не хватает денег на одежду, а 13,2% — на питание; только 19% имеют полное высшее образование. Больше всего россиян с таким коротким горизонтом планирования среди жителей городов численностью менее 100 тыс. (27%) и поселков городского типа (29%). Для них характерен социальный цинизм и низкое доверие людям, популизм, неверие в свою способность влиять на политические решения и аномия, проявляющаяся в низкой значимости политических ценностей, вера в предопределенность судьбы, убежденность в опасности мира.

Во вторую группу (42,6%) входят те, кто планирует свою жизнь на период от нескольких месяцев до одного-двух лет. Здесь также большинство — женщины (58%), 50% — в возрасте более 45 лет. Среди них 49% работают по найму; 40% могут позволить себе еду и одежду, но не могут купить бытовую технику; 28% — с полным высшим образованием. Больше всего россиян с таким коротким горизонтом

планирования среди жителей крупных городов — численностью более 250 тысяч (в таких городах их доля составляет 45—46 %). Для них характерна низкая эмоциональная стабильность, высокая выраженность симптомов депрессии, тревоги по поводу будущего, низкая вера в вознаграждение усилий и низкая ориентация на либеральные ценности.

К третьей группе относятся наши соотечественники, которые планируют свою жизнь на время от 3 до 10 лет (23,1 %). Более половины из них — мужчины (52 %), 59 % — в возрасте до 45 лет. В этой группе 55 % работают; 28,3 % могут купить бытовую технику, а еще 13 % — автомобиль; 29 % работают на частном предприятии; 31 % имеют полное высшее образование. Они характеризуются более высокой открытостью к новому, более высокой воспринимаемой социальной поддержкой и социальным оптимизмом, воспринимаемым контролем за событиями своей жизни, субъективным счастьем, верой в справедливый мир.

Наконец, четвертая группа — это россияне, которые строят планы более чем на 10 лет (8,4 %). Подавляющее большинство здесь мужчины (59 %), 53 % — в возрасте до 45 лет. В нее входят россияне как очень низкого достатка (12 % не хватает денег даже на питание), так и очень высокого (7 % могут купить дом); 53 % работают, причем 6 % — предприниматели. Полное высшее образование имеют 24 %. Больше всего россиян с таким длинным горизонтом планирования среди жителей городов численностью менее 50 тыс. (10 %) и поселках городского типа (11 %). Их отличают более высокая доброжелательность и экстраверсия, более высокая религиозность, вера в вознаграждение усилий и гордость за свою страну.

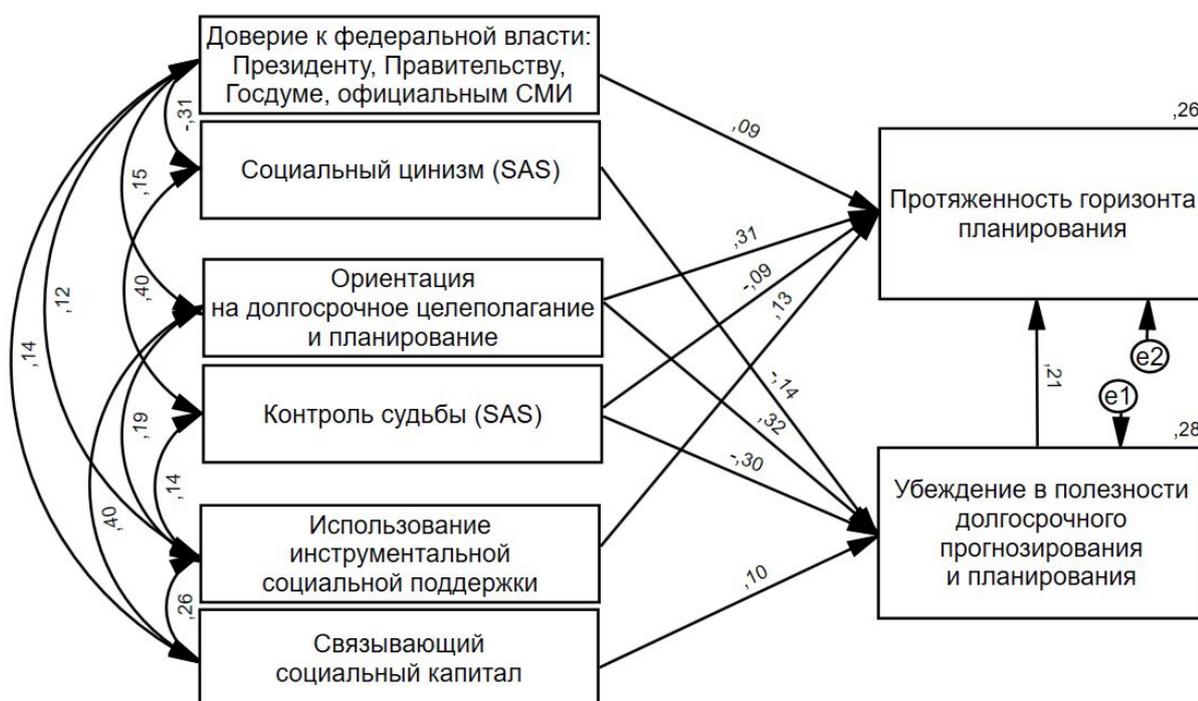
Как показало наше исследование, горизонт планирования зависит от оценки социальных ресурсов, имеющихся у респондентов: экономического статуса и уровня образования. Однако на него влияют и психологические характеристики личности: доброжелательность и воспринимаемый уровень социальной поддержки, контроль над собственной жизнью, субъективное благополучие и доверие к миру. Проведенное нами структурное моделирование ($N=6000$; $\chi^2=41,361$; $df=18$; $CMIN/DF=2,298$; $p=,001$; $GFI=,999$; $CFI=,994$; $RMSEA=,014$; $Pclose=1$) подтвердило негативную связь горизонта планирования и социального оптимизма с тремя группами факторов:

- 1) образ опасного мира (социальный цинизм, вера в несправедливый и опасный мир);
- 2) дефицит социальных ресурсов (низкое материальное положение, низкий уровень образования и воспринимаемой социальной поддержки);
- 3) низкое субъективное благополучие (низкий уровень субъективного счастья, симптомы депрессии, тревога по поводу будущего).

При этом, как оказалось, показатели субъективного благополучия выступают в роли медиатора, опосредуя влияние двух других групп факторов на горизонт планирования.

Результаты другого нашего исследования, проведенного в 2021 году среди 751 респондента от 17 до 76 лет из разных регионов России (49% — мужчины, 51% — женщины; $M_{возр} = 40,1$; $SD = 11,5$), позволили уточнить роль, которую играют в поддержании долгосрочного горизонта планирования показатели социальной интеграции: связывающий социальный капитал и обращение за поддержкой к другим людям. Путевая модель, полученная в ходе структурного моделирования ($\chi^2 = 19,332$; $df = 10$; $CMIN/DF = 1,933$; $p = ,036$; $GFI = ,994$; $CFI = ,990$; $RMSEA = ,035$; $P_{close} = ,834$), показывает, что протяженность горизонта планирования личностью своей жизни связана с тремя группами факторов: во-первых, с доверием к государству и обществу; во-вторых, с ориентацией личности на долгосрочное целеполагание и верой в способность влиять на свою судьбу; в-третьих, с ориентацией на расширение личной сети контактов и готовностью использовать этот социальный капитал в ситуации кризиса.

Рисунок 5. Предикторы протяженности горизонта планирования (графическое представление результатов структурного моделирования)

$\chi^2=19,332$; $df=10$; $CMIN/DF=1,933$; $p=,036$; $RMR=,026$; $GFI=,994$; $CFI=,990$; $RMSEA=,035$; 90% CI [Lo 90=,009; Hi 90=,059]; $P_{close}=,834$.

В уже упомянутом нами исследовании, проведенном весной 2021 года ($N = 751$) нам удалось уточнить связь долгосрочной ориентации и горизонта планирования с отношением личности к глобальным рискам. Как показали результаты структурного моделирования ($\chi^2 = 5,841$; $df = 4$; $CMIN/DF = 1,460$; $p = ,211$; $GFI = ,998$; $CFI = ,999$; $RMSEA = ,025$; $Pclose = ,821$), общий уровень долгосрочной ориентации зависит от 1) принятия жизни в условиях глобальных рисков и 2) проактивного совладания, то есть стремления учесть их последствия при принятии решений, а также от 3) отношения к ним как к возможностям, 4) самоэффективности, то есть уверенности в своей способности защитить себя и близких от их последствий, 5) оптимизма в отношении глобального будущего и 6) воспринимаемой социальной поддержки, то есть наличия людей, готовых прийти на помощь в случае массового бедствия. Интересно, что протяженность горизонта планирования прямо связана с проактивным совладанием и самоэффективностью, но негативно связана с оптимизмом в отношении глобального будущего. Это может указывать на то, что тревога в ожидании глобальных кризисов подталкивает к долгосрочному планированию жизни при условии, что мы считаем себя способными справиться с ними.

Проведенная нами серия исследований показывает, что в основе сокращения горизонта планирования лежит формирование убеждения в опасности мира и социальный пессимизм, снижение генерализованного и институционального доверия, сокращение «слабых связей» личности с представителями других социальных групп, а также воспринимаемой социальной поддержки в условиях глобальных рисков.

Заключение: как развивать долгосрочную ориентацию в российском обществе?

Наши исследования показывают, что для поддержки социального оптимизма необходимо прежде всего сокращение социального неравенства и поляризации общества. Если же речь идет о пропагандистских кампаниях, то здесь нужны не столько позитивные прогнозы, сколько конкретные примеры успешного опыта взаимопомощи среди россиян, истории о том, как доверие другим людям оказалось оправданным и принесло успех.

Можно предложить несколько направлений поддержки долгосрочной ориентации и социального оптимизма в российском обществе.

Прежде всего, необходимы меры, направленные на преодоление выученной беспомощности: информирование о случаях, когда россияне повлияли на ситуацию в своей жизни, в городе, в стране; элементы прямого налогообложения,

возможности для налогоплательщика выбирать статьи бюджета, которые он поддерживает; развитие накопительной пенсионной системы, информирование о том, какой будет пенсия.

В основе долгосрочной ориентации лежит доверие к социальным институтам, поэтому нужно укрепить защиту собственности и права наследования, закрепить «правила игры» в областях, связанных с развитием человеческого капитала, расширить долгосрочные программы карьерного и профессионального развития; увеличить горизонт планирования бюджета; создать экономические стимулы для игры на «длинных деньгах».

Необходимо не только обучать руководителей государственных и частных организаций долгосрочно ориентированному принятию решений, но и вводить соответствующие критерии оценки их деятельности, финансовые и моральные стимулы, помогающие им расставлять приоритеты (Sneader et al., 2020). Такого рода системы оценки могут быть созданы не только на уровне корпораций, но и на уровне отраслей и даже в масштабах мировой экономики. Примером может служить инициатива, направленная на повышение престижа долгосрочно ориентированных компаний. Так, в январе 2016 года на Давосском экономическом форуме шесть крупнейших глобальных пенсионных фондов, а также такие компании, как Barclays и Unilever, объявили о создании нового индекса долгосрочности корпоративных инвестиций: S&P Long-Term Value Creation Global Index. Индекс призван изменить стандарты поведения руководителей и инвесторов через примеры успешных долгосрочно ориентированных компаний (Forelle, Benoit, 2016).

Развитие компетенций, связанных с принятием долгосрочных решений, может опираться на достижения когнитивной психологии и нейробиологии в области изучения временного дисконтирования. В ситуациях, когда необходимо избежать различных мотивационно-когнитивных искажений при прогнозировании или принятии решений с долгосрочными последствиями, могут использоваться научно обоснованные приемы и технологии: можно снизить когнитивную нагрузку, представить, что варианта «здесь и сейчас» не существует, сопоставить варианты решения с другими целями, связать будущие события со знакомыми местами и т. п. (Нестик, 2018b; Bulley, Schacter, 2020).

Отдельным направлением может быть создание цифровых гуманитарных технологий для поддержки долгосрочной ориентации. До сих пор в таком качестве выступали различные архитектуры выбора — системы подталкивания к социально ответственным решениям. Это различные стимулы, подсказки и напоминания, облегчающие выбор в пользу рационального, долгосрочно ориентированного варианта поведения. Сегодня они широко используются в самых разных областях,

от отдельного сбора мусора и сохранения электроэнергии до принятия решений о лечении, пенсионных накоплениях или инвестициях (Голодникова и др., 2018).

Другое перспективное направление использования цифровых технологий для поддержки долгосрочной ориентации — это создание «цифровых ангелов», основанных на технологиях искусственного интеллекта программ, которые выполняют функции «когнитивных протезов»: например, помогают преодолеть откладывание на потом, компенсировать свойственную людям недооценку будущего, визуализировать сценарии развития событий (Lieder et al., 2019). В частности, такие программы предлагается использовать, чтобы психологически «приблизить» катастрофические последствия изменения климата (Нестик, 2019).

Поскольку ориентация на будущее поддерживается разнообразием социальных контактов, необходимо целенаправленно развивать различные формы долгосрочных партнерств и взаимопомощи, в которых добровольный обмен обязательствами происходит поверх групповых границ: профессиональные ассоциации, общества защиты вкладчиков, клубы бывших выпускников вузов, организации молодых матерей и другие формы гражданского общества, созданные с целью оказания взаимной помощи вне зависимости от политической и культурной принадлежности участников. Ориентация на долгосрочные отношения в рамках таких организаций создаст условия для генерализации доверия и формирования сетей «слабых связей».

В сфере СМИ и социальных медиа необходимо стимулировать издательские, телевизионные и интернет-проекты, ориентированные на диалог о прошлом и будущем России, о возможностях преодоления растущих коллективных угроз, формирование представлений об общности судьбы и ответственности граждан России перед своими потомками. Нужны специальные усилия по формированию через СМИ и социальные сети позитивных долгосрочных сценариев развития России.

Необходимо развивать коллективное воображение, целенаправленно создавая «память о будущем». Образ будущего основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами, существует коллективная память о будущем (Samuel, 2009). Содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, образы фантастической литературы и кино, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего. Рост охвата и доступности средств массовой информации, в том числе интернет-медиа, делают публичные прогнозы и художественные образы все более важным фактором повседневных представлений о завтрашнем дне. За воспоминания о прошлом и конструирование будущего в нашем воображении отвечают одни и те же структуры мозга. Люди с трудом конструируют сценарии будущего, для представления которых не хватает образов собственной автобиографической памяти (Campbell et al.,

2017). Таким образом, для формирования видения желаемого будущего нам необходим общий язык, набор образов и категорий. Компьютерные игры, телесериалы, популярные жанры поп-музыки, театральные постановки — все это можно использовать для стимулирования размышлений о будущем, проигрывания в коллективном воображении разных его сценариев.

В сфере искусства могут быть организованы специальные фестивали, конкурсы и выставки, посвященные историческому прошлому и будущему страны, переключке эпох в российской культуре. В области науки необходимо поддерживать междисциплинарные исследования, посвященные не только техническому и экономическому, но и социальному сценарному анализу, в частности форсайт в области культуры, политических, межэтнических и межрелигиозных отношений. Необходимо поддерживать публичное обсуждение результатов таких исследований с привлечением известных политических, научных, культурных и религиозных деятелей.

Нужно систематически развивать различные формы рефлексии в отношении будущего, а также умения, необходимые для ведения стратегического диалога. Образовательные стандарты в школе и вузах необходимо ориентировать на развитие таких компетенций, которые позволяют «работать с прошлым и будущим»: умения проводить исторические аналогии и опираться на историю при анализе ситуации в стране, умения анализировать жизненный опыт, накопленный предшествующими поколениями в своей семье; навыки долгосрочного планирования своей жизни, управления рисками, умения критически анализировать прогнозы. Информационные кампании и образовательные программы должны быть направлены на формирование долгосрочной ориентации как нормы, разделяемой большинством (от «это престижно» к «у нас так принято»). Нужно больше рассказывать о «людях длинной воли» из прошлого и настоящего нашей страны, идущих к отдаленным целям и помогающим ставить и достигать таких целей окружающим.

Необходимо поддерживать сопереживание, развивать навыки психологической помощи и фасилитации в школах. Одно из ключевых препятствий, затрудняющих выработку совместных целей, — дефицит умения вести диалог, согласовывать позиции. Поэтому в старших классах школы и в университетах нужны курсы риторики, фасилитации и медиации, обучающие ведению диспутов, методам разработки групповых решений и разрешения конфликтов.

Одной из форм стратегического диалога в сетевом обществе является форсайт — система мероприятий, организационных процессов, структур, норм и ценностей, поддерживающих способность сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании совместно выработанных сценариев будущего. Безусловно, конструирование образа будущего в ходе мозговых

штурмов не защищено от многочисленных когнитивных искажений: сверхуверенности экспертов, эвристики доступности, недооценки возможности событий, отсутствующих в личном опыте и др. (Нестик, 2018b). Тем не менее главным результатом такой рефлексии является не сам образ вероятного будущего, а символические орудия для его непрерывного конструирования, в том числе групповые технологии проектирования будущего, доверие заинтересованных сторон друг к другу, готовность договариваться о будущем в меняющихся условиях. Так, наше исследование, проведенное среди трехсот участников «Форсайт-навигации» Агентства стратегических инициатив (Силинг, Нестик, 2018), показало, что после участия в серии мозговых штурмов, по сравнению с контрольной группой, оценка прогнозируемости будущего не увеличивается, зато повышается протяженность индивидуальной перспективы, значимость для участников отдаленного будущего России, позитивная оценка краткосрочного и среднесрочного будущего, социальное доверие, готовность идентифицировать себя с человечеством. Чем выше социальное доверие, тем выше оценка участниками своей способности влиять на будущее, но ниже оценка его предсказуемости. Эти данные указывают на то, что обсуждение сценариев развития социальной системы ее участниками, — при условии наличия внутригруппового и межгруппового доверия, — повышает оптимизм и толерантность к неопределенности будущего.

Необходимы очные, виртуальные и «дополненные» VR и AR технологии обсуждения будущего, которые были бы эффективны для разных поколений россиян и поддерживали бы «связь времен». Наряду с хорошо зарекомендовавшими себя инструментами, такими как дискуссионные клубы и деловые завтраки, «открытые пространства» и «конференции наоборот», форсайт-флоты и форсайт-кэмпы, «точки кипения», хакатоны и цифровые коммуны, нужно искать новые способы организовать диалог о будущем, чтобы вовлекать в него не только технологических предпринимателей и городскую молодежь, но и другие социальные группы. Перспективной формой таких площадок могут быть так называемые мини-публики, ассамблеи граждан, общественные группы, группы независимых экспертов, сельские и городские советы (Руденко, 2018). Одной из ключевых задач таких сообществ является так называемый проактивный дизайн — помощь в конструировании моделей ответственного социального поведения, устойчивых в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что необходимо стимулировать различные формы частных инвестиций в долгосрочное будущее регионов и локальных сообществ, венчурную филантропию и корпоративные программы *pro bono*. Нужно специальными грантовыми программами поддерживать такие формы волонтерства, результаты которого скажутся и будут заметны обществу лишь годы спустя.

В ближайшие десятилетия российскому обществу предстоит ответить на множество политических, социально-экономических, технологических, демографических и климатических вызовов. Важно помнить, что путь к решению общенациональных и глобальных проблем лежит не через алармизм, нагнетание тревоги и запреты, а через формулирование позитивных целей, преодоление поляризации и укрепление социального доверия, вовлечение всех заинтересованных сторон в разработку решений, научно обоснованную политику, поддержку сопереживания и взаимопомощи, критического мышления, рефлексивности и долгосрочной ориентации.

Список литературы

Аганбегян А. Г., Порфирьев Б. Н., Широков А. А. О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 193—213

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3—26.

Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалов В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75—91. <https://www.doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91>.

Аузан А. А. Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196. С. 229—241.

Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело, 2011.

Великая Н. М., Шушпанова И. С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 29—40.

Великая Н. М., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А. Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1. С. 64—77. <https://www.doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-64-77>.

Вилдавски А., Дейк К. Теория восприятия риска: кто боится, чего и почему? // THESIS. 1994. № 5. С. 268—276.

- Волков Д. Социология: Будущее темно // Ведомости. № 4134. 09.08.2016.
- Волков Д., Колесников А. Будущее, которое разъединяет: что думают о развитии России разные социальные группы // Форбс. 18 ноября 2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/413883-budushchee-kotoroe-razedinyayet-cto-dumayut-o-razviti-rossii-raznye-socialnye>.
- Голодникова А., Цыганков Д., Юнусова М. Потенциал использования концепции «nudge» в государственном регулировании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 7—31.
- Горбачева Е. И., Губина Н. К., Натробина О. В. Источники социального оптимизма: опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2018. Т. 9. № 7. С. 116—139.
- Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 232—242.
- Донцов А. И., Зеленев И. А. О связи категоризации социального окружения («своих», «чуждых», «иных») с оптимизмом/пессимизмом у россиян // Развитие личности. 2010. № 1. С. 134—150.
- Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении России // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Т. XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 500—513.
- Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5—17. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250003743-0>.
- Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45—50.
- Ленчук Е. Б., Войтоловский Ф. Г., Кувалин Д. Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 46—55.
- Мир 2035: глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
- Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 28—39.
- Нестик Т. А. Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020а. Т. 5. № 3. С. 110—140. <https://www.doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005>.

Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020b. Т. 5. № 2. С. 47–82. <https://www.doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002>.

Нестик Т. А. Искусственный интеллект как «когнитивный протез»: трансформация образов будущего // Образовательная политика. 2019. № 4. С. 104–117.

Нестик Т. А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018a. С. 213–225.

Нестик Т. А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018b. Т. 12. № 2. С. 78–90.

Нестик Т. А. Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования // Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований. М.: Институт психологии РАН, 2018c. С. 190–212.

Нестик Т. А. Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4(4). С. 16–60. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g16/t1-4/s16-4-02.html>.

Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Институт психологии РАН, 2014.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Влияние изменения климата на человека: психологический анализ // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 99–109.

Полтерович В. М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–64.

Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.

Руденко В. Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Науч. ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 97–125.

Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 810–819.

Силинг А. Л., Нестик Т. А. Отношение участников форсайт-сессий к ближайшему, среднесрочному и отдаленному будущему // Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 3. С. 67–86.

Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок, 2017.

Социокультурные факторы инновационного развития в условиях коронакризиса [Исследовательский отчет] / Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Богданова А. А., Брызгалин В. А., Зельницкая Е. Н., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Подругина В. П., Припузова Н. А., Ситкевич Д. А., Трушина В. С. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2020.

Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 4. С. 19–35. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760>.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.

Федоров В. Общественные настроения в России в ситуации коронакризиса // ВЦИОМ. 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-06-16_Lenskii_klub.pdf.

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Коллективная монография под ред. Т. А. Нестика и А. Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2020.

Черныш М. Ф. Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. 2021. Т. 30. № 3. С. 6–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28>.

Шестопап Е. Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 7–20.

Bandura A. (2000) Exercise of Human Agency through Collective Efficacy. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 9. No. 3. P. 75–78. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00064>.

Bulley A., Schacter D. L. (2020) Deliberating Trade-Offs with the Future. *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. No. 3. P. 238–247. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0834-9>.

Burt R. (2017) Social Network and Temporal Discounting. *Network Science*. Vol. 5. No. 4. P. 411–440. <https://doi.org/10.1017/nws.2017.23>.

Campbell K. L., Benoit R. G., Schacter D. L. (2017) Priming, Not Inhibition, of Related Concepts during Future Imagining. *Memory*. Vol. 25. No. 9. P. 1235–1245. <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1283420>.

Cook J., Cuervo H. (2019) Agency, Futurity, and Representation: Conceptualising Hope in Recent Sociological Work. *The Sociological Review*. Vol. 67. No. 5. P. 1102–1117. <https://doi.org/10.1177/0038026119859177>.

Corballis M. C. (2019) Mental Time Travel, Language, and Evolution. *Neuropsychologia*. Vol. 134. P. 107–202. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2019.107202>.

Daniele G., Martinangeli A., Passarelli F., Sas W., Windsteiger L. (2020) Wind of Change? Experimental Survey Evidence on the Covid-19 Shock and Socio-Political Attitudes in Europe. CESifo Working Paper Series 8517, CESifo.

Brescó de Luna I. (2018) Imagining Collective Futures in Time: Prolepsis and the Regimes of Historicity. In: de Saint-Laurent, C., Obradovic, S., Carriere, K. R. (eds.) *Imagining Collective Futures: Perspectives from Social, Cultural and Political Psychology*. London: Palgrave Macmillan. P. 109–128.

Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. URL: <https://www.edelman.com/trust/2020-trust-barometer>.

Edelman Trust Barometer 2021. Global Report. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.

Forelle Ch., Benoit D. (2016) Activists Beware: Huge Investors Debut New Long-Term Index. *The Wall Street Journal*. Jan. 21.

Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T. (2002) Time Discounting and Time Preference: A Critical Review. *Journal of Economic Literature*. Vol. 40. No. 2. P. 351–401.

Giurge L. M., Whillans A. V., West C. (2020) Why Time Poverty Matters for Individuals, Organisations and Nations. *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. P. 993–1003. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0920-z>.

Hofstede G., Minkov M. (2010) Long- Versus Short-Term Orientation: New Perspectives. *Asia Pacific Business Review*. Vol. 16. No. 4. P. 493–504. <https://doi.org/10.1080/13602381003637609>.

Joireman J., King S. (2016) Individual Differences in the Consideration of Future and (More) Immediate Consequences: A Review and Directions for Future Research. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 10. No. 5. P. 313–326. <https://doi.org/10.1111/spc3.12252>.

Katona G. (1972) A Theory of Expectations. In: Strümpel et al. (eds.) *Human Behavior in Economic Affairs. Essays in Honor of George Katona*. Jossey-Bass.

Lamont M. (2019) From 'Having' to 'Being': Self-Worth and the Current Crisis of American Society. *The British Journal of Sociology*. Vol. 70. No. 3. P. 660–707. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12667>.

Lieder F., Chen O. X., Krueger P. M. et al. (2019) Cognitive Prostheses for Goal Achievement. *Nature Human Behaviour*. Vol. 3. P. 1096–1106. <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0672-9>.

Lösch A., Grunwald A., Meister M., Schulz-Schaeffer I. (2019) Introduction: Socio-Technical Futures Shaping the Present. In: Lösch A., Grunwald A., Meister M., Schulz-Schaeffer I. (eds.) *Socio-Technical Futures Shaping the Present. Technikzukünfte, Wissenschaft und Gesellschaft / Futures of Technology, Science and Society*. Springer VS, Wiesbaden. P. 1–14.

Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., & Jankauskaitė V. (2017) The Perception of Threats to National Welfare: The Impact of Social Optimism, Self-Confidence, and of Social and Institutional Trust. *Politologija*. Vol. 85. No. 1. P. 3–55. <https://doi.org/10.15388/Polit.2017.1.10669>.

Mische A. (2009) Projects and Possibilities: Researching Futures in Action. *Sociological Forum*. Vol. 24. P. 694–704.

Muncy J., Iyer R. (2020) The Impact of the Implicit Theories of Social Optimism and Social Pessimism on Macro Attitudes Towards Consumption. *Psychology & Marketing*. Vol. 37. P. 216–231. <https://doi.org/10.1002/mar.21304>.

Pietrantoni L. (2014) Collective Efficacy. In: Michalos A. C. (eds.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_434.

Piketty T. (2020) *Capital and Ideology*. Cambridge: Harvard University Press.

Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. (1997) Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*. Vol. 277. No. 5328. P. 918–924. <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>.

Samuel L. R. (2009) *Future: A Recent History*. Austin, TX: University of Texas Press.

Schweizer K., Rauch W. (2008) An Investigation of the Structure of the Social Optimism Scale with Respect to the Dimensionality Problem. *Journal of Individual Differences*. Vol. 29. No. 4. P. 223–230.

Schweizer K., Schneider R. (1997) Social Optimism as Generalized Expectancy of a Positive Outcome. *Personality and Individual Differences*. Vol. 22. P. 317–325.

Sneader K., Williamson S. K., Koller T., Potter V., Babcock A. (2020) Corporate Long-Term Behaviors: How CEOs and Boards Drive Sustained Value Creation. McKinsey & Company, FCLTGlobal.

The Governance for Happiness. (2019) Global Survey Results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf.

Zittoun T., Gillespie A. (2018) Imagining the Collective Future: A Sociocultural Perspective. In: de Saint-Laurent C., Obradović S., Carriere K. (eds.) *Imagining Collective Futures. Palgrave Studies in Creativity and Culture*. Palgrave Macmillan, Cham. P. 15–37.

de Saint Laurent C. (2018) Thinking through Time: From Collective Memories to Collective Futures. In: C. de Saint-Laurent, S. Obradović, K. R. Carriere (eds.) *Imagining Collective Futures: Perspectives from Social, Cultural, and Political Psychology*. London: Palgrave Macmillan. P. 59–81.